

В комнате было холодно. Симоль была холодной. Её тело было неожиданно тяжёлым в руках Ника. Возможно, он сможет спасти её, если доставит её в больницу. Он повернулся, пытаясь удержать безвольное тело. Фанни и Даво ошеломлённо смотрели на него. Диззи оттолкнула их.

— Она мертва? — тихо спросила она, а затем с большей силой повторила вопрос, когда в ответ получила пустые взгляды.

— Я... я не знаю, — ответил Ник. Голова Симоль свисала так, будто её шея была сделана из резины. Её открытые, невидящие глаза не говорили о том, что она была жива. — Может быть, если мы... если отнесём её...

Диззи подошла ближе и посмотрела на лицо Симоль.

— Я думаю, её больше нет.

— Нет, — сказал Ник, хотя и чувствовал то же самое. Он подавлял голос, говоривший, что он опоздал. Он не был врачом, как он может быть уверен? — Мы должны отнести её в больницу. Они узнают...

— Ник, — сказала Диззи, щелчок в её голосе вынудил его дёрнуть головой, словно она натянула цепь на его шее. — Она мертва, и кто бы ни убил её, он до сих пор может быть здесь.

Ник хотел поспорить с ней, указать на все логические причины, по которым они не должны делать поспешные суждения; что было много случаев, когда люди считались мёртвыми, когда они были просто в коме или в каком-то вызванном магией сне. Он не мог выдавить из себя слова. Всё его тело дрожало.

Ноги сдались первыми, и он упал в сидячее положение с Симоль, накинутой на него. Он потерпел неудачу. Он взялся спасти её и потерпел неудачу.

Он должен был попросить помощи. Пойти к правительству. Было множество разнообразных причин не делать этого, но это не означало, что взять всё в свои руки было лучшим вариантом. И даже если бы он пришёл сюда вовремя, что он мог сделать? Это была глупая, детская идея.

У него не было никакой силы, не было особых способностей, не было источника сверхъестественной силы. В мире, конечно же, были такие люди — люди, которые могли пойти против превосходящих сил и добиться успеха. Он знал, что они существуют, потому что читал о них, но он не был таким. Он не был особенным.

А она была. И теперь её мёртвое тело лежало у него на руках. Он не мог унять свою дрожь.

Он знал о каком-то движении вокруг него, другие что-то говорили, но он не мог их услышать. Его кожа была липкой, а холод охватил его внутренности. Почему-то он не чувствовал, как болят его пальцы и ноги. Всё тряслось и двигалось, и свет удалялся, становился всё меньше, пока не стал лишь точкой.

— Что случилось? — спросил мужчина в красной маске.

Ник оглянулся, сбитый с толку. Он был в маленькой, хорошо освещённой комнате. Тело Симоль

исчезло. Он сидел на стуле по другую сторону стола от агента Секретной службы. За мужчиной была дверь. Окон и другой мебели не было. Он понятия не имел, где он и как сюда попал.

Ему до сих пор было холодно, и он всё ещё дрожал.

— Николав Тутт.

Ник посмотрел на агента. Красная маска была знакома, но это не означало, что под ней тот же агент, которого он видел в прошлые разы. Возможно, они передавали маски, когда их смены подходили к концу.

— Расскажи мне, что произошло? Почему вы были в исследовательском здании доктора Теннера? Что случилось с девушкой?

Единственными видимыми частями лица мужчины были его челюсть и рот. Трудно было прочесть его выражение, но счастливым он не выглядел. Агент подозревал, что Ник несёт ответственность за смерть Симоль? Он хотел отрицать, объяснить, как пытался спасти её, но правда в том, что он ответственен за это.

Ник открыл рот. Он хотел сказать: «Это моя вина». Хотел откровенно признаться и избавиться от сокрушающего веса, удушающего его мысли. Слова не вышли. Вместо них вырвался странный вопль. Агент встал и отступил, как будто боялся, что Ник может стошнить.

Это было странно. Ник не чувствовал себя больным. Он не чувствовал себя особенно расстроенным или грустным. На самом деле он вообще ничего не чувствовал. Его разум и тело сейчас словно были двумя отдельными сущностями.

Он снова посмотрел на агента, но его больше не было. Комната была пуста. Ник поднял дрожащую руку и похлопал по лицу. Казалось, он касался чего-то, что не принадлежало ему. Его лицо было мокрым. От слёз, по-видимому, хотя он даже не помнил, что плакал.

Он был уставшим. Он понятия не имел, сколько сейчас было времени и был ли это тот же день; он знал лишь, чтобы был на ногах всю ночь и был измотан. Он положил руки на стол и положил на них голову. Он так сильно дрожал, что стол загрохотал. Глаза закрылись, казалось, всего на несколько секунд, но, когда он вновь открыл их, в комнате он был не один.

— Конечно, он не в порядке, — сказала женщина. — Он явно в шоке.

Ник узнал её. Это был тот самый доктор из больницы, который исцелил его. Она ухаживала за Симоль? Она в порядке?

— Вы можете исправить это? — сказал агент. — Нам нужны ответы.

— Я могу дать ему что-нибудь, чтобы успокоить его, но я не слишком бы полагалась на всё, что он скажет, пока у него не будет возможности выздороветь. Отравление арканумом сильно ослабило его, а теперь ещё и это. Он развалится на части, если вы будете слишком грубы с ним.

— Доктор, у нас нет выбора. Существует очень ясная и реальная опасность для всех учеников. Мой долг очевиден.

Нику не понравилось, как агент сказал «всем ученикам». Он не имел в виду «всех», он имел в виду важных — тех, о которых заботилась школа. Ему нельзя доверить поиски правды о том,

что на самом деле случилось с Симоль. Как нельзя было доверять и школе. Их беспокоила только их репутация и настоящие ученики. Вмешался даже директор школы, чтобы удостовериться, что ни один из тоже-ренов не смущал его драгоценную школу. Вероятно, ему было хорошо известно о том, что делал Теннер; возможно, он даже одобрил это.

— Я не буду отвечать на ваши вопросы, — сказал Ник, слова с дрожью вышли из него.

Доктор и агент смотрели на Ника, пока он вытаскивал ручку сильно трясущейся рукой. Он поднял её.

— Отдайте её министру поручений. Скажите ему, что я должен его увидеть.

Он настойчиво совал ручку агенту, но тот отказывался её взять. Он будто боялся её.

— Где ты её взял? — спросил он тихим шёпотом.

— Министр дал её мне. Возьмите её или будете отвечать перед ним.

Даже с маской, скрывающей большую часть лица агента, Ник смог почувствовать опасение. Агент был высоким, мускулистым и устрашающим, но упоминания отца Диззи было достаточно, чтобы заставить его потерять самообладание. Это было приятное чувство — угрожать кому-то настолько внушительному.

Дверь открылась, и появилась другая фигура в маске. Агент подошёл поговорить с ним. Ручка все ещё была в руке Ника, которая становилась всё тяжелее. Рука упала на стол, а ручка выпала из ослабевшей хватки.

Доктор побежал вперёд и поймал его прежде, чем он соскользнул со стула, и что-то вложил ему в рот. Оно было крепким, хрустящим и невероятно горьким.

Голова Ника подскочила обратно, а глаза были широко открыты. Даже слишком широко, судя по ощущениям.

— Кажется, ты действительно знаешь министра, — сказал агент. — Он только что приехал в школу и спрашивал о тебе.

Ник почувствовал волну облегчения. Он мог доверять отцу Диззи отыскать правду.

Агент вывел Ника из комнаты в длинный проход с полированными дубовыми полами. Что бы доктор ни дал ему, оно остановило тряску, а его ум ощущался лишь слегка туманным. Он следовал за агентом в красной маске, а за его спиной шли ещё двое агентов, в зелёной и белой масках.

Он находился в школе, — он мог сказать это по знакомой архитектуре, — но в этой её части он раньше никогда не бывал. В длинном коридоре были выставлены стеклянные шкафы, содержащие трофеи и изображения восторженно выглядящих учеников в спортивных костюмах. На табличках на стене указаны имена, даты и выигранные титулы.

Коридор привёл к большим двойным дверям. Два агента за Ником ускорились, чтобы открыть их. Только красный агент вошёл вместе с Ником, и двери за ними закрылись.

Шесть высоких окон располагались вдоль одной из стен. Было уже раннее утро, и серо-белое небо обеспечило слабую волну света, который заполнил большую комнату с деревянными

панелями. Дорогой синий ковёр с вышитой золотой нитью головкружительной спиралью покрывал пол. Он поглощал все звуки их шагов.

Перед большим камином спиной к вошедшим стоял хорошо одетый мужчина. Рядом находился внушительный стол, за которым сидел ещё один мужчина. Кресло было с высокой спинкой и богато украшено резьбой, что делало его скромным тронem для какого-нибудь короля или же очень вычурным креслом для любого другого человека.

В камине потрескивал огонь. Других звуков не было. За окном только пустое небо было свидетелем происходящего. Агент остановился, и Ник встал рядом с ним. Министр Делкруа, — мужчина, греющийся у огня, — сначала признал Ника слабым кивком, а затем повернулся к агенту с красной маской.

— Командир, рад вас видеть.

— И я вас, министр.

Ник не считал, что кто-либо из этих мужчин особенно рад видеть другого.

— В последнее время вы очень заняты, — сказал министр.

— Да, министр, — ответил агент нейтральным тоном.

— Мне хотелось бы увидеть отчёт обо всех инцидентах с начала этого семестра.

— Как пожелаете, министр.

— Не копии, оригиналы.

Ник почувствовал небольшую перемену в стоящем рядом с ним мужчине — свирепость. Ему захотелось отойти от него.

— Это... необычная просьба. — Слова были преднамеренно медленными.

— Да, — сказал министр Делкруа. — Эти инциденты необычны, и разобрались с ними сомнительно.

— Министр, — сказал агент, его голос потерял нейтральный тон, — могу вас заверить...

Министр поднял руку.

— Заверения не требуются. Сейчас я лишь спрашиваю о предпринятых действиях. Выводами, какими бы они ни были, мы займёмся в более подходящее время, но не сейчас.

Ответом был кивок, но напряжённый подбородок и сжавшийся кулак агента сказали Нику о том, что его сила воли подвергалась невероятному испытанию.

— Вы можете идти. Пусть ваши люди останутся за дверью. — Тон был пренебрежительным, но агент не отреагировал. Казалось, он почти испытал облегчение от того, что ему разрешили уйти. Он развернулся и ушёл, не глядя на Ника.

— Тутт, — сказал министр, — как дела?

Ник не знал, как ответить. Его приветствовали или допрашивали?

— Хорошо, спасибо. То есть, не хорошо, но... — Его голос дрогнул.

— Понятно. Иди сюда.

Ник подошёл. Министр поднял руки и положил их на обе стороны лица Ника. Не в лёгкой, ласковой манере. Края ладоней были у горла Ника, как будто он собирался рубить с обеих сторон и снять голову Ника.

В горле Ника пересохло, и он сглотнул. Министр наклонил голову мальчика и отстранился, чтобы посмотреть под прямым углом в его глаза.

— Хм. Да. — Он выставил большие пальцы и положил их на лоб Ника. Ник почувствовал лёгкое давление над каждым глазом, затем в его голове промчался внезапный поток ветра.

Ник потерял равновесие, и он подумал, что вот-вот упадёт. Он смог устоять, но часть его продолжала двигаться. Беспорядок в его голове был выбит таким же образом, каким выбивают кетчуп ударом по дну бутылки. В голове прояснилось.

— Это должно помочь, — сказал министр, опустив руки. — Стало лучше?

Ник кивнул. Впервые за несколько дней он чувствовал себя самим собой.

— Хорошо. А теперь давайте разбираться во всём этом. Можешь говорить здесь начистоту. Директора ты знаешь. — Он полуобернулся, чтобы указать на мужчину за столом.

— Нет, — сказал Ник. — Я его никогда раньше не видел.

Министр приподнял бровь.

— Ты не помнишь его вступительную речь в первый день?

Ник покачал головой.

— Вы же ещё произносите вступительную речь, директор?

— Конечно. — Директор поднялся со своего места и стал огромным. У него был низкий, утробный голос; он был, по крайней мере, на голову выше министра и нависал над Ником, словно гигант. Лицо у него было широким и плоским, с курносом носом, на котором едва держались очки с золотой оправой. — Это ренсомская традиция. Присутствие на нём обязательно. Если мальчик не...

— Мы не были приглашены, — сказал Ник. Он знал, что идёт на конфликт, причём явно не с тем человеком, но ничего не мог с собой поделать. Тактичность казалась ненужной.

— Приглашений на речь нет, — сказал директор. — Вся информация была в ваших брошюрах для новичков.

— Которые мы получили вечером. Умышленно, я бы предположил. — Он говорил то, что считал правдой, и он был бы рад привлечь к этому внимание подходящего человека, но директор не был этим человеком. Он только ухудшал ситуацию, досаждая директору, который, без сомнения, и приказал обращаться подобным образом с Ником и компанией. Не то чтобы это действительно имело значение; скорее всего, график по его исключению в любом случае уже был составлен.

— Что заставляет тебя думать, что это было сделано умышленно? — спросил министр.

— Я не могу заявить наверняка, но увидеть схему не очень сложно. С самого начала к нам относились несправедливо: мы были изолированы от остальной части школы, нас держали подальше от ресурсов, предназначенных для всех, и поместили в классы самого низкого уровня, готовясь исключить нас в конце года, если не раньше.

Ник не мог поверить в то, насколько дерзко он себя вёл. Часть его наслаждалась шокированным выражением на лице директора, но, возможно, даже после его исключения директор много чего может предпринять, чтобы усложнить жизнь Нику, куда бы он ни пошёл дальше. Открыто обвинять школу в заговоре против новых учеников было попросту безрассудно.

Директор выглядел так, словно вот-вот взорвётся.

— Это возмутительно, — едва выдавил он. — Мальчик явно до сих пор бредит.

— Я так не думаю, — сказал министр Делкруа. — Я применил небольшое внушение, чтобы помочь ему собраться с мыслями. Сейчас он должен мыслить логически и последовательно, и говорит он, безусловно, с убеждённой уверенностью. Возможно, где-то возникло недопонимание.

— Всегда есть такая возможность, — сказал директор, хватаясь за протянутую соломинку.

— Неужели существуют классы низшего уровня? — спросил министр. — Я не знал о таких.

— Учеников распределяют по классам в соответствии с их заслугами. Их легче обучать, когда они находятся примерно на одном уровне, и так было всегда.

— Безусловно, — сказал министр. — Но этот мальчик занял второе место во всей стране. Я предполагал, что он будет в том же классе, что и другие лучшие ученики. Разве это не так?

Директор молчал, казалось бы, очень долгое время. Министр ждал ответа. Не торопил, не повторял вопроса, а просто ждал.

— Иногда мы устанавливаем испытательный срок, чтобы удостовериться, что переведённый ученик подходит Ренсому. И для этого нужно нечто большее, нежели результаты экзаменов.

— Понятно. Я не верю, что наших предков, основавших эту школу и создавших условия для учеников вроде этого мальчика, очень уж заботил вопрос, «подходят» ли они для Ренсома.

— Наши предки жили в совершенно другом Ранваре, — сказал директор.

— Да, в том Ранваре они обладали дальновидностью и ввели правила для защиты увиденного. Я считаю, что они больше склонялись к тому, чтобы здешние ученики были лучшими из тех, что мог предложить Ранвар, дабы быть уверенными в том, что нация будет защищена от своих врагов. И исключение этого мальчика лишь принесёт пользу этим врагам.

Двое мужчин вперились друг в друга твёрдыми взглядами, заставляя Ника чувствовать себя незванным гостем. Он не издавал ни звука, чтобы не напоминать им, что он был здесь.

— Я не знал, что в сферу компетенции министерства поручений теперь попадает и школьная система.

— Сфера компетенции министерства охватывает всю страну, в том числе и школы. Это указано

в нашем уставе. В моём кабинете есть копия; возможно, вы захотите выделить один день, и я смогу показать её вам лично.

Директор школы немного побледнел.

— Нет, в этом нет нужды.

Он снова сел, сердито глядя на Ника. «Не так уж и плохо, если меня исключат», подумал он про себя.

— Итак, Ник, — сказал министр, — такое отношение было ко всем новым ученикам?

— Да, сэр.

— Включая девушку Ван Дастан?

— Да. Мы все были в одном классе. Они собирают вместе всех, кого хотят убрать, и обучают их только основам. Таким образом они могут выполнять свои обязательства, сосредотачивая основную часть своих ресурсов на тех, кто, по их мнению, имеет больше прав на них. — Он захлопнул рот слишком поздно. Он посмотрел на директора, ожидая громких отрицаний.

Директор, казалось, восстановил самообладание.

— И как ты пришёл к такому выводу? У тебя есть какие-нибудь доказательства, чтобы подкрепить эти нелепые обвинения?

— Нет, — сказал Ник. — Я узнал об этом только потому, что мистер Теннер рассказал мне.

После небольшой паузы министр на мгновение взглянул на директора. Они оба не сказали ни слова.

— Ты дружил с мистером Теннером? — спросил министр. — Ты обсуждал с ним его исследования?

— Да. Я видел его заметки и обсуждал некоторые его идеи.

Директор громко фыркнул.

— И вы правда поверите вот в это? Первогодка помогает Теннеру?

— Я целиком ему верю, — сказал министр. — В настоящий момент он не может произнести ложь. Он может заблуждаться, но не обманывать.

Ник понял, почему он так нагло вёл себя перед человеком, на которого и были направлены эти самые жалобы: когда министр очистил его разум, он также внушил ему говорить правду.

Внушение было едва заметным, более поощряющим, нежели требующим, но оно «развязало язык» его разуму. И это внушение было очень опасным.

— И с чем были связаны его исследования? — спросил министр.

— Они работали над созданием двери в Иное Место. Врат между измерениями.

— Они?

— Да. Мистер Теннер и профессор Веристотель.

Министр повернулся к директору.

— Вы знаете этого профессора?

— В этой школе нет никого с таким именем и никогда не было.

— Это неправда, — произвольно сказал Ник. — Был учитель с таким именем, когда здесь училась Виннум Роке.

— Откуда ты это знаешь, Ник?

— Прочитал в книге.

— Как думаешь, это был тот же человек?

— Я не знаю. Я не думаю, что он был тем, кем выглядел. Теннер назвал его Старой Матерью.

Министр Делкруа, казалось, встревожился и положил руку на каминную полку, чтобы успокоиться.

— Девушка, почему она отправилась в башню одна?

Ник вздохнул.

— Она всегда везде ходила одна. Я думаю, она просто предпочитала так действовать. Она отправилась в Пагоду из-за меня. Она хотела знать, почему Теннер отравил меня арканумом.

— Он пытался убить тебя?

— Нет, я так не думаю. Я думаю, это было сделано, чтобы заманить Симоль. Я был просто приманкой.

— И для чего она им понадобилась?

— Я думаю, чтобы открыть дверь, как это сделала Виннум Роке со своей собакой.

Повисла долгая тишина.

— Ты и об этом прочитал в книге, Ник?

— Да.

— Кажется, я начинаю понимать. Спасибо, Ник. Директор, я буду признателен, если вы организуете так, чтобы юный мистер Тутт и его переведённые товарищи теперь были в правильных классах. Думаю, их испытательный срок длился достаточно долго. Он должен иметь доступ ко всем школьным ресурсам, в том числе доступным только избранным.

— Министр, — начал возражать директор, — я должен...

— Я хочу, чтобы вы считали его прикомандированным из моего отдела, под моим личным контролем.

— Если это правда, — сказал директор, — если хоть что-то из этого правда, почему он не

рассказал одному из учителей?

— А вы точно не давали ему повода не доверять им? — сказал министр. — Пожалуйста, немедленно договоритесь о переводе. Лично. Мы ведь хотим избежать любых дальнейших недопониманий, не так ли?

Директор снова встал и вышел из комнаты, хлопнув дверью.

Министр смотрел в огонь, похоже, забыв о Нике. Мальчик стоял на некотором удалении от камина, не зная, должен он уйти или ждать, пока его отпустят. Он чувствовал себя маленьким игроком в событиях, слишком больших для того, чтобы он был их частью.

— Ты должен снова стать обычным учеником, — сказал министр, поворачиваясь спиной к камину. Его лицо в сером свете из окна цветом напоминало шифер. — Я понимаю, что будет нелегко, и директор не будет доволен тем, что я попросил сделать, но он не пойдёт против моих поручений, пока ты не будешь провоцировать его.

Ник кивнул, хотя министр не смотрел на него.

— Здесь можно многому научиться, и не только тому, чему тебя хотят научить. Даже когда тебе пытались ограничить возможности, ты всё равно научился чему-то, не так ли? — Он бросил взгляд в сторону Ника, который снова кивнул. — Скажи мне, Ник, почему моя дочь была с тобой?

Ник ожидал какого-то упоминания Диззи и придумывал, как ответить, но сейчас, когда вопрос был задан, он не знал, как это объяснить. Ему было очень любопытно узнать, что случилось с остальными — задержали ли их для допроса? Что они рассказали? — но он не хотел привлекать внимание к тому, что они делали этой ночью.

— Я попросил её о помощи. Она единственная, кого я здесь знаю. — Он сопротивлялся желанию рассказать больше. Он не хотел рассказывать о библиотеке или об участии библиотекаря. Было довольно сложно остановить себя, но он сосредоточился на ответе именно на то, о чём его спрашивали, и не более того.

— Понятно. И это всё, что нужно, не так ли? — Он мрачно улыбнулся. — Я всегда считал, что она с неохотой следует за другими.

— Могу я кое о чём спросить вас, сэр? — сказал Ник, изо всех сил стараясь сменить тему, пока не были заданы неудобные вопросы о том, что они делали до того, как нашли Симоль.

Министр кивнул в знак согласия.

— Почему вы дали мне эту ручку? — Он поднял ручку, его рука больше не дрожала.

— Она тебе не понравилась?

— Очень понравилась. Я думаю, что она, возможно, спасла мою жизнь. — Ручка, чёрная и гладкая, здесь не выглядела совершенно неуместной: этой роскошной комнате она подходила гораздо больше, чем его карману. — Она должна быть... — Он не мог придумать подходящего сравнения. Коня? Дома? — Она должна быть дороже меня.

— Да. Она, по-своему, очень ценна. — Министр взял ручку и осмотрел её. — Изначально я отдал её Диззи, но она отказалась её принять. — Он передал её обратно.

Странно было слышать, как он называет её «Диззи». Из его уст это имя звучало чуждо.

Министр выпрямился, а его взгляд стал ясным и твёрдым.

— Я хочу, чтобы то, что произошло за последние несколько дней, ты, в меру своих сил, оставил позади. Я знаю, что будет сложно, но в этом деле ты ничего не сделаешь. Но всегда есть дела, которыми нужно заняться. Сосредоточься на учёбе и постарайся не допустить, чтобы то, что тебе неподвластно, не отвлекало тебя. Ты, к несчастью, был втянут в эти события, но вышел из них ты относительно невредимым. Будь благодарен за это. Как только моё расследование будет завершено, мне, вероятно, придётся снова поговорить с тобой, но я сомневаюсь, что ты будешь играть большую роль. По крайней мере, я надеюсь на это.

Ник положил ручку в карман. Ручку, которую Диззи не хотела. В которой ей не было нужды. Но он не был в том же положении. Ему нужна была помощь; в этом разница между ними. И всегда была. Разница, которая вряд ли изменится.

В воздухе возникла перемена — холод, несмотря на колеблющееся пламя. Стало темнее, словно снаружи собирались грозовые тучи, но вид за окном не изменился — там была всё та же мягкая белизна.

Всё выглядело как прежде, но когда Ник повернулся, чтобы посмотреть в окно, он самым краем глаза заметил повисшую тень. Когда он повернулся, чтобы посмотреть на неё, там ничего не было, кроме министра Делкруа, голова которого была слегка наклонена, словно он слушал то, что не слышал Ник.

Затем затемнение пропало, и лицо министра стало мрачным.

— Мне нужно идти. Береги себя, Ник.

И он немедленно вышел из комнаты.

Ник остался один, не зная, что ему делать. Через несколько секунд он открыл дверь. Два агента стояли по обе стороны от неё.

— Не могли бы вы показать мне выход? — спросил он их.

Они привели его к выходу, а затем исчезли. К нему относились удивительно мягко, учитывая недавние события. Он был волен вести себя как обычный ученик, и ему даже было позволено пользоваться возможностями более полноценно. Он ожидал более пристрастного допроса. Возможно, вмешался министр. Возможно, за ним следили, и им хотелось от него чего-то ещё. Возможно, он снова был приманкой.

Он вернулся в коттедж. Он был голоден и уставшим, но разум всё ещё был ясным. Что бы министр с ним ни сделал, оно было эффективным в этом плане. Оно могло быть эффективным и в других отношениях, о которых он не знал.

Даво и Фанни ждали его. Даво тревожно ходил по комнате, а Фанни сидел на полу, с большим усердием работая над детектором травы.

— Ник, ты вернулся! — Воскликнул Даво, когда вошёл Ник. — Что случилось? Они исключили тебя?

— Нет, — сказал Ник. — Думаю, они не совсем уверены, что делать. А что с вами? Они

спрашивали, почему вы были там? Вы рассказали им о библиотеке?

— Нет, нет, — сказал Даво. — Они были слишком заняты, чтобы считать нас кем-то большими, чем невинными свидетелями. Что может знать кучка тоже-ренов о таких вещах? Их предрассудки в этот раз сыграли нам на руку.

— А что насчёт Диззи? — спросил Ник.

— Её быстро отпустили, верно? — сказал Фанни. — VIP-отношение. Остальное нам придётся делать самим.

— Остальное? — спросил Даво. — Что ты несёшь? Какое «остальное»? Это конец.

Фанни вскочил на ноги, держа в руках детектор.

— Всё совсем не так, как выглядит. Пагода, она мертва. Никакой магии. Никакого арканума. Даже фонового излучения нет. Что-то досуха высосало его. Мы можем последовать за ним. Я перекалибровал детектор. Нам просто нужно... пойти за ней.

Ник и Даво терпеливо слушали, как Фанни говорил и говорил, пока его голос не стал хриплым шёпотом, и он расплакался.

— Успокойся, старик. — Даво помог ему дойти до его комнаты. — С тобой всё будет хорошо, когда ты немного отдохнёшь.

— Им не убежать, пока у нас детектор. Мы найдём их.

— Да, найдём. Но сначала нам нужно поспать и собраться с мыслями. Мы не можем действовать необдуманно. — Он подвёл его к кровати.

Ник открыл дверь в комнату Симоль. Она была чистой и слабо заставленной, но здесь ещё оставался её запах. Он сел на кровать и уставился на стену, не думая.

Позже прибыл служащий с новыми расписаниями и копией вступительной речи директора. Это был громкий призыв стараться и добиваться успеха, несмотря на преграды.

— Когда ты встретился с директором, — сказал Даво, просматривая своё новое расписание, — ты же не сказал ничего, что могло его расстроить?

— Нет, не говорил, — сказал Ник. Даво тихо простонал.

На следующее утро их первым уроком была военная история. Вёл её не мистер Варити, а кто-то по имени мистер Кардма. Они нашли класс на другой стороне здания, в котором они раньше учились. В комнате было всего двенадцать учеников. Ник предположил, что остальные опаздывают, но никаких остальных больше не было.

Диззи была среди этих учеников. Она выглядела точно так же, как всегда. Аккуратная и совершенная, и никаких признаков чего-то неправильного. Она не подняла взгляд, пока Ник пробирался к задней части комнаты.

— Нет, нет, это нехорошо, если вы будете сидеть так далеко, — сказал мистер Кардма. Он был худощавым, быстрым мужчиной с острыми чертами лица и пронзительными зелёными глазами. — Сядьте поближе.

Он подождал, пока трое мальчиков пересели.

— Позвольте представить вам следующий сценарий, — сказал мистер Кардма. — Страна находится в состоянии войны. Армейское подразделение отправляют взять вражескую деревню, и оно преуспевает. Судьба жителей деревни в руках солдат, и многие мужчины решают воспользоваться ситуацией самым гнусным образом. Такое случается.

Он сделал паузу, чтобы убедиться, что на него обращено всё внимание. Так оно и было.

— Участие принимают не все. Вы не принимаете. — Он взмахом руки показал на весь класс в целом. — Вы потрясены, как и любой здравомыслящий человек. Но вы ничего не можете сделать. Другие были доведены ужасами войны до околорезонного состояния, и попытки остановить их, скорее всего, приведут к вашей собственной гибели.

— Вы возвращаетесь на свою базу, что вы предпримете? Если вы сообщите об этом инциденте, вас будут считать предателем, стукачом, доносчиком и так далее. Вы заработаете вражду всей армии, возможно, даже всей страны. Вы — человек, которому нельзя доверять. Если вы промолчите, отвратительные поступки, свидетелем которых вы стали, вероятно, повторятся, возможно, теми же людьми. Вы станете соучастником и, возможно, присоединитесь в следующий раз, а? — Он рассказывал об этом гипотетическом преступлении с довольно большим весельем.

Ник оглядел комнату. Все ученики уделяли пристальное внимание. Урок не был похож на уроки с мистером Варити, на которых кратко излагалось какое-нибудь сражение старины, а затем записывались имена и даты для дальнейшего заучивания. Ник даже не знал, о чём говорит учитель. Казалось, это очень слабо связано с военной историей.

— Так, кто хочет начать?

В первом ряду поднялась рука. Ник не видел, кто это был, но голос был девчачий.

— Почему мне нужно сообщать о таком? Разве в армии нет надлежащих протоколов для такого рода вещей?

— Есть, — ответил учитель, — и почти в каждом случае их сильно недостаёт. Бездействие из-за надежды, что кто-то другой разберётся с этим, — проклятие военного мышления. Куда эффективнее будет просто сдать. Да. — Он указал на мальчика, который сидел у окна, положив руку на стол.

— Когда твоя жизнь зависит от других людей, лояльность имеет первостепенное значение. — Его голос был резким и полным уверенности. — Последствия для солдат, когда враг стоит напротив тебя, не перекрываются никакими плюсами чести или справедливости. Это вопрос прагматизма. Разоблачение осложнит ведение военных действий и не должно приветствоваться, и я считаю, что так было всегда. На преступления нельзя смотреть сквозь пальцы, но война не может вестись в рамках социальных норм.

— Логичная и безжалостная оценка, мистер Грир-Роз. Я не ожидал от вас меньшего. Кто-нибудь ещё? Может, один из наших новых членов хочет присоединиться к состязанию? Неправильных ответов нет.

Класс повернулся, чтобы посмотреть на их троицу. Ожидание было смешано с долей презрения.

— Я не думаю, что прагматизм удерживает людей от того, чтобы доложить о своих сослуживцах, — тихо сказал Ник. — Я думаю, что это скорее трусость.

— Да? Пожалуйста, поподробнее. И, если можете, говорите немного громче.

Ник поднял голову.

— Проблема в докладе о поведении, которое вы описали, заключается в остракизме со стороны тех, кого вы не обвинили. Они будут считать вас ненадёжным, и они ничего не теряют от того, что не дают вам войти в обычные круги общения. Большинство будут молчать, потому что они боятся. Пусть они и вступают в битву, когда шансы складываются не в их пользу, а смерть — почти гарантированный факт, но они не одиноки. Люди боятся изоляции, и из-за страха перед ней они не открывают рот. Они — трусы, когда никто не видит.

В комнате стояла абсолютная тишина.

— Очень интересно. А как насчёт тех, кто достаточно храбр, чтобы высказаться? Они герои?

— Храбрость должна быть вознаграждена и отмечена, но они будут наказаны. Другие увидят, как с ними обойдутся, и научатся. Научатся молчать. Они ничего не получают за это. Если система не коррумпирована, уже будут существовать меры для решения этого вопроса изнутри, и достаточно жёсткие, чтобы выступать в качестве сдерживающего фактора. А если система коррумпирована, ничто из того, что вы сделаете, не заставит её поднять руку на солдата, который является ребёнком генерала, министра или мага.

— Похоже, среди нас есть революционер. — Тон учителя не изменился, но глаза засияли ещё больше. — Разве вы не видите другого решения?

Ник знал, что переступил черту. Он практически обвинял всех других учеников в недостойности их места в обществе. Он задавался вопросом, не осталось ли в его организме то, что использовал на нём министр Делкруа.

— Единственный способ преодолеть предвзятость — найти кого-то, кто способен изменить её. Человека, который может противостоять действующим против него... или неё силам, и устанавливать статус-кво. И затем предложить этому человеку вашу поддержку.

— Вы не думаете, что можете быть этим самым человеком, а не надеяться, что он появится в момент вашей нужды?

— Я не могу им быть, — сказал Ник, — но другие могут удовлетворять этим требованиям. Это происходило раньше. Однако их также почти всегда убивали.

— Ах, — сказал учитель с широкой улыбкой. — Мы продвинулись на сегодняшнем уроке намного быстрее, чем я ожидал. Убийство, величайший инструмент войны для использования против самой могучей силы на войне — харизматичного индивидуума. Всегда есть единственная отправная точка, будь то в причине праведности или акте вульгарного варварства. Один мужчина, — или женщина, — который может вести за собой других, несмотря на их первоначальное нежелание. Как говорится, ввести толпу в состояние безумия. Устраните этого единственного человека достаточно быстро, и угроза, которую представляет толпа, будет устранена вместе с ним. Давайте посмотрим на нескольких примерах из нашей истории, насколько эффективно это может быть. Страница тридцать два...

Книги открылись, и страницы шелестели и шуршали. Ник понятия не имел, как они перешли

от разоблачения к убийству, но в этом был какой-то странный смысл. В сценарии из начала урока, скорее всего, будет один солдат, который заставляет других совершать эти отвратительные действия. Простое его устранение не нанесёт вреда военным действиям и предотвратит совершение зверств. И если другие солдаты захотят сообщить вам об этом, тогда этическое затруднение будет переложено с ваших плеч на их. Аккуратное, но причудливое решение. Он уже счёл этот урок более интересным, а это был только первый день.

Урок закончился в назначенное время, и учитель написал домашнее задание на доске и умчался на свой следующий урок.

— Это было необычно, — сказал Даво, когда они собирали свои книги.

— Я понятия не имею, что произошло, — сказал Фанни. — Могу я взять твои записи?

Они встали, чтобы уйти, но остановились. Дверь была заблокирована четырьмя мальчиками. Они выглядели сердитыми. Двое из них когда-то напали на Мэллори. Остальные ученики ушли.

— Я думаю, они могли взять на свой счёт кое-что из сказанного тобой, — прошептал Даво.

— Ты думаешь, они хотят убить харизматического лидера? — спросил Фанни.

— Она уже мертва, — сказал Ник. — Мы можем разбежаться на них.

— Чтобы приблизиться к ним поскорее? — спросил Даво. — Очень отзывчиво с твоей стороны.

— Мы можем кричать, зовя на помощь, — сказал Фанни.

Послышался громкий треск, и один из мальчиков упал. Диззи стояла позади него с ведром в руке. Оно было заполнено песком и предназначалось для тушения пожаров.

— Ты зачем это сделала? — крикнул один из мальчиков.

Диззи подняла палец, указывая, что он должен ждать. Повисла неловкая тишина, а затем в коридоре появились неясные очертания. Показались два агента Секретной службы.

— Наследник третьего герцога стало плохо, — сказала она, размахивая ведром. — Пожалуйста, отведите его в больницу.

Агенты выглядели неуверенными, и даже за масками Ник мог сказать, что они были озадачены.

— Кроме того, — сказала Диззи, — в последнее время защита учеников была немного неэнергичной. Именно такие ситуации вы должны предотвращать. Пожалуйста, сообщите своему командиру, что, если рабочая нагрузка станет ему в тягость, я могу поговорить с моим отцом и заставить его назначить нескольких его людей. — Она ждала, пока оба агента переварят её предложение, а затем она ушла, по-прежнему размахивая ведром.

Агенты подняли оглушённого мальчика с пола. Другие мальчики уже спешили прочь.

— Думаю, она спасла нас, — сказал Фанни.

— Думаю, что она чуть не убила единственного наследника третьего герцога. — Даво повернулся к Нику. — А других хороших девушек среди твоих знакомых нет?

На остальных уроках к ним никто не приставал, и они были слишком заняты записями, чтобы беспокоиться о более широких последствиях их нового статуса и оскорблении, которое вызывало их присутствие у всех вокруг. Им удалось завершить этот день целыми и с длинным списком литературы для прочтения.

Ник не удивился бы, если по возвращению в коттедж они нашли бы его горящим. Такого рода расправа была ожидаемой, но единственным отличием был агент Секретной службы, стоящий у двери. Он никак не реагировал на них, даже когда они пытались напрямую поговорить с ним.

— Он немного сердитый, — сказал Фанни, когда они были внутри.

— Как ты можешь заявлять такое, когда на нём маска? — спросил Даво.

Ник снова вошёл в комнату Симоль. Он не мог с собой ничего поделать. Ничего не изменилось. Даво и Фанни оставили его там, и он сидел на кровати, пока комната медленно погружалась во тьму.

Раздался стук в окно. Он подошёл и открыл его. Снаружи стояла Диззи. По тому, как она стояла, он мог сказать, что она злилась на него.

— Сначала я пошла к твоей комнате, — сказала она, — но там никого не было.

— Нет. Я просто... Спасибо за сегодня. И за тот день.

— Я ненавижу пользоваться именем моего отца, Ник. Ненавижу. Мне жаль твоего друга, но больше я не буду тебе помогать. С этого момента ты сам по себе.

— Я понимаю. Я не буду рассчитывать на тебя. Мы квиты.

— Нет, не квиты. Ты мне должен. Можешь отплатить мне, тихо сидя на занятиях и не доставляя больше никаких проблем.

— Я сделаю всё возможное, — сказал Ник, слегка раздражённый, что она продолжает так к нему относиться после всего, что они пережили. — И спасибо, что пришла ко мне в больницу.

На её лице отразилось удивление.

— О чём ты говоришь? Я никогда не посещала тебя.

— Но я помню. Ты была с Симоль.

— Зачем мне быть с ней? Ты всё ещё нездоров? — В её голосе невозможно было усомниться, в нём не было никаких намёков на ложь.

— Нет, я в порядке. Должно быть, у меня всё в голове смешалось. Не волнуйся, я не причиню никаких неприятностей. — Он закрыл окно, его лицо горело.

Та сцена была плодом его воображения? Частью его бреда? Но у него была ручка. Он проснулся с ней в кармане. Как она туда попала?

Он пошёл в свою комнату, смущённый сильнее, чем когда-либо. В руке он держал ручку. Он понял, почему Диззи отказалась от неё. Принятие помощи от других и заимствование их силы часто служили достижению цели, но также они подчёркивали правду. Правду, что сам ты беспомощен. Что у тебя нет собственной силы. Они подчёркивали твою собственную

ничтожность.

Для Ника это не было проблемой: он смирился с реальностью. Но для Диззи всякая помощь, которую она принимала, была знаком для других считать её менее способной.

— Он снова работает над этим прибором, — сказал Даво с порога. — Он убеждён, что он снова приведёт нас к её убийцам. У меня страшное предчувствие, что так и будет, и что ты тогда мы будем делать?

— Ты не знаешь, приходила ли Симоль ко мне в больницу той ночью? — спросил его Ник.

— Прости, не знаю. А что?

— Я проснулся с этой ручкой в кармане. До этого её не было.

— А, вот что. Мы тогда навестили тебя и подумали, что она поможет тебе почувствовать себя в безопасности. Она же волшебная, в конце концов.

— Ты и Фанни? Вы навещали меня?

— Не удивлён, что не помнишь. Ты был совсем не в себе, думал как какой-нибудь чокнутый. Фанни был очень тронут, когда ты сказал, что скучал по нему.

Ник чувствовал себя полным идиотом. Он планировал сделать всё возможное, чтобы избежать Диззи, но теперь его решимость окрепла ещё больше.

Его ошибка была настолько мучительной, что он не мог усидеть на месте. Он надел пальто и выскользнул из окна в комнате Симоль, чтобы избежать стоящего на входе охранника.

Температура упала. Небо до сих пор было закрыто облаками, и свет быстро уходил. Ник не знал, куда идёт, он лишь не хотел никого видеть или с кем-либо говорить. Он осознал, что подходил к библиотеке. Обычно он ходил именно в это место, так что ноги сами привели его сюда.

У него было много вопросов к библиотекарьше, но сейчас было не то время, чтобы задавать их. Если он находился под наблюдением, как он подозревал, то он лишь привлечёт к ней внимание, а этого он делать не хотел.

Он отвернулся от библиотеки. Не было никакого смысла лгать самому себе, он всегда сюда шёл. Пагода. Сцена его неудачи.

Он ожидал, что её оцепят, что здесь будут охранники, но никого не было. Строение выглядело немного потрёпанным. Изыщные карнизы были разрушены и потеряли форму. Стены были потрескавшиеся и выглядели хрупкими, как будто могут рухнуть в любой момент. У Пагоды был вид старого заброшенного, когда-то внушающего ужас, но теперь разбитого и потрёпанного здания.

Холод собрался вокруг него, а у ног образовался туман. Он быстро стал густым, окружил его и скрыл мир от него и его от мира. Пагода то показывалась, то вновь пропадала. Влага конденсировалась в его волосах и стекала на глаза. Он мог разглядеть только очертания деревьев в полумраке. Тёмный воздух был совершенно неподвижным и холодным. В тяжёлом шерстяном пальто было достаточно тепло, но он вздрогнул, стоя в темноте и ожидая. Что-то пришло, он был в этом уверен.

В тумане загорелся свет, который расцвёл до белизны, из-за чего воздух буквально светился. Порыв ветра сорвал одеяло тумана, и снова показалась Пагода. За одну из её сторон цеплялся дракон.

Он был намного больше драконов, которых Ник видел раньше. Он полз по Пагоде, вонзая на почти всю длину похожие на косы когти. Его мышцы, казалось, были в постоянном движении, сверкающие чёрные чешуйки рябили по всему телу, а хвост его многократно обвился вокруг основания башни.

Голова с вытянутой мордой и бесчисленными клыками повернута одной стороной к Нику, огромный рептильный глаз повернулся в глазнице, пока не уставился на него, а затем моментально сменился с одной чёрной щели в ярко-зелёном окружении на целиком чёрный с небольшим куском зелёного.

Пасть открылась. Ник знал, что должен бежать, даже если это не спасёт его. Он должен что-то сделать, что угодно, а не ждать, пока его сожгут заживо. Почему они не пришли, те, кто следил за ним, те, кто ждал, чтобы узнать, были ли подозрения верными? Разве вот это не считается подозрительным?

Дракон взревел, но язычков пламени не было. Из широко раскрытой пасти вырвалась струя пара, горячая и влажная. Он усилил туман, делая стены вокруг них толще и крепче. Дракон исчез из виду, как рисунок углём, который стряхнули со страницы.

Затем ветер снова развеял туман. За спиной дракона раскрылись два крыла, мембрана которых была полупрозрачной и жилистой. В отличие от других драконов, эти крылья не были соединены с передними лапами, а были отдельными придатками, прикреплёнными к спине дракона, и зрелище полностью раскрытых крыльев оставило Ника неспособным двигаться, говорить или думать.

Дракон опустил голову, чтобы обнюхать его, показав при этом сидящего на его шее мужчину. Он был большим человеком, но не таким большим, как директор, с сильными глазами, которые уставились на Ника. Он соскользнул с дракона и грациозно приземлился на землю.

— Это непроницаемый туман, нас здесь не видно и не слышно. — Его голос был низким, но мягким. Он успокоил Ника, и он подозревал, что в нём есть нечто большее, чем успокаивающие тембры голоса. Все, казалось, дёргали разум Ника по своему настроению, вольно и без разрешения.

— Вы — архимаг? — спросил он, уже зная ответ. Прибытие на отца всех драконов слегка выдало его.

— Да. Где моя дочь?

Он не знал? Что он будет делать, когда узнает? Что он сделает с человеком, который расскажет ему?

— Её тело, что они с ним сделали? — Он не выглядел особенно расстроенным, скорее нетерпеливым.

— Я не знаю, они увезли её. Я не знаю, когда похороны.

— Похороны? — сказал архимаг. — Она не мертва. Она что, серьёзно привязала себя к такому тугодуму?

Ник не знал, как ответить, а затем понял, что ему и не нужно. Архимаг обращался к дракону. Единственный глаз, нацеленный на Ника с гораздо большей высоты, завращался, сделав полный круг.

— Она не мертва?

— Пойдём со мной. — Он пошёл к Пагоде, и хвост дракона размотался, чтобы разблокировать вход.

<http://tl.rulate.ru/book/4550/208835>